

Николай Майоров

«Пусть почитает Майоров, истфак!»

Осенью 1938 года в одном из старых университетских зданий на улице Герцена студенческая литгруппа собралась на первое регулярное занятие. Почему-то все уже что-то знали друг о друге. Будущие биологи и географы, химики и математики, физики и историки читали свои стихи . Из разных углов раздавались уверенные голоса: «Пусть почитает Майоров, истфак!»

Но Майоров смущенно отнекивался - то ли от робости, то ли от гордыни. Казалось, он примеривается к чужим стихам, звучащим в аудитории, мысленно сравнивает их со своими, выбирает - "что прочесть?" Наконец начал читать.

Крепко стиснутым кулаком он, этот "Майоров, истфак", словно бы расчищал живой мысли стихотворения прямую дорогу через обвалы строф. И к концу того первого вечера стало очевидно: это будет "первая ракетка" в поэтической команде университета.

Николай Майоров был высоким, сильным и добрым. Мир в его стихах вставал объемным, весомым, зримым, цветным.

Остались от него недописанные поэмы, стихи, строки, осколки таланта. Но и сейчас неподдельной юностью и свежестью восприятия мира веет от этих стихов.

Я был высок, как это небо,
Меня не трогали цветы,-
Я думал о бульварах, где бы
Мне встретилась случайно ты,
С которой я лишь понаслышке,
По первой памяти знаком, -
Дорогой, тронутый снежком,
Носил твои из школы книжки.
Откликнись, что ли!
Только ветер
Да дождь, идущий по прямой.
А надо вспомнить -
Мы лишь дети,
Которых снова ждут домой,
Где чай остыл,
Черствеет булка.
Так снова жизнь приходит к нам
Последней партой,
Переулком,
Где мы стояли по часам.

Так я иду, прямой, просторный,
А где-то сзади, невпопад,
Проходит детство, и валторны
Словами песни говорят.
Мир только в детстве первоизданен,
Когда, себя не видя в нем,
Мы бредим морем, поездами,
Раскрытым настежь в сад окном,
Чужою радостью, досадой,
Зеленым людом балтийских скал
И чьим-то слишком белым садом,
Где ливень яблони сбивал.

Пусть неуютно в нем, неладно,
Нам снова хочется домой,
В тот мир простой, как лист
тетрадный,
Где я прошел, большой, нескладный
И удивительно прямой.

Биография

Детские и юношеские годы Николая Майорова прошли в Иванове. Здесь он родился в 1919 году в семье рабочего. Еще в десятилетке начал писать стихи, которые читал на школьных вечерах, публиковал в стенной газете. Окончив школу, Николай переехал в Москву и поступил на исторический факультет МГУ. А с 1939 года он стал посещать поэтический семинар в Литературном институте им. Горького.

Писал он много, но печатался редко, да и то, как правило, в университетской многотиражке.

Даниил Гранин, вспоминая о Н. Майорове, друге студенческих лет, говорит: "Он не признавал стихов без летящей поэтической мысли, но был уверен, что именно для надежного полета ей нужны тяжелые крылья и сильная грудь. Так он и сам старался писать свои стихи - земные, прочные, годные для дальних перелетов".

- Он полюбил веселые слова, когда было ему около двадцати. А в двадцать три его уже не стало.
- Летом 1941 года Николай Майоров вместе с другими московскими студентами роет противотанковые рвы под Ельней. В октябре его просьба о зачислении в армию была удовлетворена.
- 8 февраля 1942 года Николай Майоров был убит в бою на Смоленщине.

Нам не дано спокойно сгнить в могиле -
Лежать навтыяжку и приоткрыв гробы,-
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Он успел сделать сравнительно немного: его литературное наследство - это сто страниц, три тысячи машинописных строк. Но все это - настоящее. Он был весь обещание. И не потому только, что природа дала ему талант, а воспитание - трудоспособность. Он очень рано осознал себя поэтом своего поколения - глашатаем того предвоенного поколения, которое приходило к внутренней зрелости в конце 30-х годов.

Еще меньше, чем на поэта, Николай Майоров был похож на героя. Но и героем он стал таким же, как поэтом, - настоящим. Он умер, как сам предсказал: в бою. Доброволец-разведчик погиб, не докурив последней папиросы, не дописав последнего стихотворения, недолюбив, не дождавшись книги своих стихов, не окончив университета, не доучившись в Литературном институте, не раскрыв всех возможностей.

Все в его жизни осталось незавершенным, кроме нее самой. Но стихи его, сработанные для дальнего полета, продолжают свой рейс: у них сильные крылья - такие, как он хотел.

Уходя, он вошел в разряд незабываемого. И навсегда помнится, что он был

Мы

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы -
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы - спросите жен!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.
Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочтаете как миф,
О людях, что ушли, недолюбив

Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла.
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах
устных

Да в серой прозе наших дневников.
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.
И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача.

А тот трубил, мир ни во что не ставя
(Ремень сползал с покатого плеча),
Он тоже дома женщину оставил,
Не оглянувшись даже сгоряча.
Был камень тверд, уступы каменисты,
Почти со всех сторон окружены,
Глядели вверх - и небо было чисто,
Как светлый лоб оставленной жены.
Так я пишу. Пусть не точны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва,
Нам жажда зноем выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И, как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

